

УДК 94(47+57):323

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-12-21

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

О политической концепции «Россизм» атамана Семёнова

В статье использовался преимущественно историко-сравнительный метод, особенно при анализе содержания концепции, проведённом с позиции теории модернизации. Этому предшествовало выяснение идентичности текстов первого и современного изданий мемуаров, а также выявление в воспоминаниях основной части и фрагментов текста концепции, рассредоточенных по различным главам книги. Автор пришёл к выводу, что в основу «Россизма» легло признание Г. М. Семёновым законности требования крестьян по аграрному вопросу. Но он отказался признать право народа на исторический выбор власти и не согласился с окончательным его переходом на сторону Советов. Считая страну оккупированной большевиками, он в конечном итоге оказался на стороне врагов России – нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Семёнов своим примером убедительно показал, что абсолютный антикоммунизм и антисоветизм неизбежно превращаются в антироссийскую политику. Предложенный атаманом Семёновым государственный строй, призванный заменить советскую государственность, охарактеризован как тоталитарный с чертами казацко-крестьянского традиционализма. Провозглашённые им политические принципы могли функционировать в его модели крайне ограниченно, сочетаясь с исчезновением парламентаризма и партийной системы. Г. М. Семёнов только критиковал советскую политику индустриализации, но судьбоносную для России проблему превращения страны в индустриальную державу не поставил. Его концепция не содержит никаких весомых ответов на вызовы мировой истории XX века, существенно уступая по всем главным параметрам советскому проекту модернизации России, обнаружив тщетность каких-либо новаторских потуг белой эмиграции.

Ключевые слова: атаман Семёнов, мемуары атамана Семёнова, политическая концепция «Россизм», тоталитаризм, фашизм и нацизм, суверенные права народа

Введение. Концепция «Россизм» атамана Семёнова ещё не рассматривалась современными историками в качестве самостоятельной темы. В их поле зрения до последнего времени находились реконструкция событийной истории его военно-политической деятельности [1; 5; 6; 12] и история русского фашизма [2; 4; 7; 8; 13].

Автор, отслеживая в ряде статей внутреннюю эволюцию политической позиции атамана Семёнова [10; 11], пришёл к заключению, что его взгляды в период эмиграции были обновлены, а в сравнении с политическими направлениями, бытовавшими среди белоэмигрантов, в определённой мере оказались модернизированными [11, с. 49]. Исследование его концепции даёт возможность выяснить направление и пределы мотивов политического модерна белой эмиграции.

Цель статьи – показать происхождение концепции, дать анализ её содержанию, сравнив предлагавшуюся им модель общественного развития России с советским проектом её модернизации. Поэтому выяснение реального содержания его политической концепции представляет исторический интерес и является вполне актуальным.

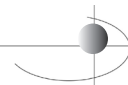
Статья написана на основе мемуаров атамана Семёнова «О себе»¹ [16; 17]. Текстуальная основа концепции находится в последней главе воспоминаний, названной «Где же выход?». Кроме этого, её содержание рассредоточено отдельными фрагментами в других главах воспоминаний.

Методология и методы исследования.

Предлагаемая статья продолжает методологическую канву предыдущих публикаций автора об атамане Семёнове [10; 11] с более широким использованием историко-сравнительного метода. Он применялся в плоскости источниковедческого анализа и при выяснении содержания концепции с позиции теории модернизации.

Результаты исследования и обсуждение. Сравнение первого издания мемуаров, вышедшего в 1938 г. в Харбине, с современным изданием показывает идентичность внешней структуры и самих текстов [16; 17]. Они имеют приложения. Среди них – документ с названием «Выдержки из “Плана ми-

¹ Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – Харбин, 1938. – 228 с.; Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – М.: АСТ: Гей итерум, 1999. – 320 с.

ровой борьбы с большевизмом». Он разрабатывался Семёновым в 1920–1921 г. в так называемую порт-артуровскую паузу [11, с. 49].

Его содержание – идейный исток концепции. К исходному комплексу идей следует отнести, во-первых, тотальный антикоммунизм Семёнова, приведший его к антироссийской позиции с формулой «Там, где большевики – нет России» [16, с. 216; 17, с. 306]. Во-вторых, установку исключительно на военно-политический разгром советской России внешними силами. «Новая внешняя война, – утверждал он, – должна быть неудачной для советской власти, т. е. окончиться потерей территории, полным разгромом Красной армии и уничтожением её как таковой» [16, с. 221–222; 17, с. 312]. В-третьих, по его мнению, «политическая часть [военной] операции должна быть разработана до начала её, а не после завоевания территории, как это происходило до сих пор» [16, с. 222; 17, с. 313]. Признание первоочередной разработки политической части военной операции, включая подготовку идеологической доктрины, отражало понимание им значения возросшей роли политической работы в армии и в обществе.

Последовательное осмысление этих трёх направлений с учётом накопленного им опыта в годы Гражданской войны и происшедших изменений в международных отношениях 1920–1930-х гг. завершилось разработкой им концепции «Россизм», получившей своё название от слова «Россия».

Вместе с этим следует учитывать, что появление его концепции связано с качественным пересмотром им своей политической позиции в 1921 г. К этому времени следует отнести его радикально изменившиеся взгляды в отношении крестьянства. В мемуарах он писал: «Внутренняя политика императорских правительств последних лет, действительно, подготовляли почву для недовольства в самых широких слоях населения. Особенно многомиллионное крестьянство имело все основания желать радикальных перемен, будучи ограничено в гражданских правах и остро нуждаясь в увеличении своих земельных наделов» [16, с. 36; 17, с. 55–56]. И далее: «Правительство, вместо того, чтобы коренными реформами решительно пресечь недовольства, дать землю крестьянам и уравнивать их в правах со всем остальным населением империи, металось из стороны в сторону, бросаясь в крайности и восстанавливая против себя решительно все слои населения» [16, с. 37; 17, с. 56–57]. Досталось и белому движению.

«Крестьянство, – писал он, – ждало от белых немедленной земельной реформы, но она откладывалась до окончания Гражданской войны, что дало большевикам отличную почву для агитации и запугивания крестьян возвращением помещиков» [16, с. 133; 17, с. 218].

Именно этот поворот в отношении крестьянства, признающий справедливость их требований, делает понятными его слова, написанные в 1921 г. буквально по-большевистски: «Власть должна быть революционной и должна идти впереди, угадывая справедливые потребности масс, а не откладывать все большие вопросы “до Учредительного собрания”» [16, с. 223; 17, с. 314].

Нужно отдать Семёнову должное. Он одним из первых в эмиграции осознал бесповоротность раздела крестьянами помещичьей земли. Большинство политической эмиграции только в 1926 г. на своём объединительном съезде пообещали в принятой резолюции не отнимать у крестьян землю [14, с. 108].

По крестьянскому вопросу он в некоторой степени приблизился к позиции генерала А. А. Брусилова [18, с. 228, 229]. О нём Семёнов пишет в своих мемуарах и даёт ему на удивление достаточно сдержанную политическую оценку [16, с. 41; 17, с. 62]. И это несмотря на то, что Брусилов, перешедший в 1920 г. к красным, был заочно приговорён белыми к повешению и стоял в списке первым среди 12 генералов, приговорённых ими к смерти за измену белому делу [19, с. 10–11]. Но Семёнов не смог подняться на уровень признания суверенных прав народа и в этом отношении сильно уступал А. А. Брусилову.

Прославленный генерал следующим образом объяснял свою позицию: «Я хорошо сознавал, что после первого акта революции, бывшего в 1905–1907 годах, неминуемо должен быть и второй акт как неизбежное следствие этой грозной и продолжительной войны [Первой мировой]... Какую бы физиономию революция не приняла, я внутренне решил покориться воле народной, но желал, чтобы Россия сохранила свою мощь, а для этого нужно было выиграть войну» [18, с. 222–223]. В итоге: «...Судя по ходу дел, зная русский народ, я видел ясно, что мы обязательно дойдём до большевизма» [Там же, с. 243].

Семёнов, хотя по итогам Гражданской войны признал справедливость требований крестьян, но в отличие от генерала Брусилова отказался признать исторический выбор народа в пользу советской власти, окончательно подтверждённый им в годы Гражданской войны. Семёнов стал рассматривать Россию

как оккупированную страну большевиками. В противовес действующему Коммунистическому Интернационалу он выдвинул лозунг создания Белого Интернационала, имея в виду организацию международных сил против коммунистической угрозы [16, с. 219; 17, с. 309].

Правда, с момента, когда этот лозунг был сформулирован в 1921 г., ему предстояло ещё пройти долгий путь. После последней и безуспешной попытки вместе с братьями Меркуловыми закрепиться в Приморье и окончательного изгнания белых из Владивостока организованные Г. М. Семёновым военные силы рассыпались и растворились в Маньчжурии.

В эмиграции он устраивался трудно. Его не принимали ни в Китае, ни в Японии. Он был вынужден просить убежища во Франции и, получив разрешение, выехал туда через Канаду и США. Но истратил значительную часть своих средств на судебный процесс, организованный против него в США из-за его политики террора времен Гражданской войны, и был вынужден вернуться назад [16, с. 185; 17, с. 263].

Кстати, в Европе его мало кто ждал. По всем признакам, несмотря на свой непреклонный антикоммунизм, он не соответствовал ни одному политическому направлению белой эмиграции: ни монархист, ни либерал, ни социалист. В глазах многих – почти самозванный атаман, конфликтовавший из-за своих амбиций и японской ориентации с А. В. Колчаком. Остатки сибирской армии он тоже не удержал, зато «слава» о его кровавом терроре была широко известна.

Напротив, на Востоке у забайкальского белого казачества он ещё сохранял авторитет и имел «японских друзей», которые при всех возникших трудностях в конечном итоге и помогли ему устроиться в Японии в Нагасаки на условиях отказа от политической деятельности.

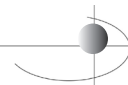
Он не проявлял себя в политике до середины 1920-х гг., а затем снова вернулся в Китай, почуяв новый тренд мировой истории и увидев новое поле для своей деятельности. Один из главных его выводов этого времени заключался в том, что западные страны оказались не способными к организованному отпору международному коммунизму. Но и на востоке он ничего не смог добиться, столкнувшись с нарастающим влиянием СССР. В итоге он был вынужден искать новые подходы, контуры которых стали просматриваться к концу 1920-х гг.

Начало разработки его концепции следует отнести к периоду мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.). Завершение работы над ней связано уже с написанием мемуаров в 1936–1938 гг. В 1936 г. Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт, к которому в 1937 г. присоединилась Италия. История, казалось, услышала его. Он работал с подъёмом. В предисловии к мемуарам Семёнов писал: «В мире совершаются определённые сдвиги, это вселяет надежду в наши сердца на близость грядущего освобождения нашей страны от поработившего её ига. Одушевлённые этой надеждой, – продолжал он, – мы должны усиленно готовиться к грядущим событиям, чтобы не оказаться застигнутыми ими врасплох» [16, с. 3; 17, с. 9–10]. Разработка им политической концепции являлась одним из важных направлений такой подготовки.

Безусловно, его работа над концепцией стимулировалась и превращением итальянского фашизма и германского нацизма в крупную международную силу, создававшую большую опасность для существования СССР. Кроме этого, Япония на территории Северо-Восточного Китая создала в 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го. В 1931 г. в Маньчжурии создаётся Русская фашистская партия (РФП). Сравнение политического содержания концепции Семёнова с вполне официальным партийным документом русских фашистов, каким является «Азбука фашизма» [15], показывает общность их позиции по многим вопросам, хотя и полное совпадение их взглядов отсутствует.

Быстрый численный рост РФП, преобразование её в 1934 г. во Всероссийскую фашистскую партию не могли не вызвать озабоченности Семёнова сохранением своего политического влияния на политическую эмиграцию в Северо-Восточном Китае. Несмотря на политическую ставку на итальянский фашизм и германский нацизм, у Семёнова наблюдалась особая позиция, свидетельствующая о достаточно самостоятельной разработке им концепции. Он расходился с русскими фашистами по ряду вопросов. Во-первых, у Семёнова отсутствовал антисемитизм. Во-вторых, он не был склонен к заимствованию идей социальной справедливости. В-третьих, он не считал, что интервенцию внешних сил против СССР нужно было оговаривать какими-либо условиями.

Для Семёнова, расхоронившегося с русскими фашистами по обозначенным вопросам, было особенно важно подчёркивать свой при-

оритет в провозглашении политики борьбы с СССР и международным коммунизмом. Поэтому неслучайно в «Приложении» в его мемуарах им были опубликованы выдержки из «Плана мировой борьбы с большевизмом». Япония, как показывают публикации Л. В. Кураса, поддерживала его статус лидера и идеолога белой эмиграции [5, с. 109; 6, с. 187]. Но вместе с этим, представляется, что в организационном отношении преимущество она всё-таки отдавала русским фашистам в Маньчжурии. Неслучайно во главе печати и просвещения Главного бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) был поставлен лидер русских фашистов К. В. Родзаевский, а разведки и контрразведки – член РФП М. А. Матковский [5, с. 108]. В целом Японии удалось выгодно для себя объединить под одной крышей молодое поколение эмигрантов и тех ветеранов Гражданской войны, которые еще сохраняли силы и признавали авторитет Семёнова.

При разработке политической концепции Семёнов использовал понятия «благо государства», «благо народа», «благо населения». Но в отличие от русских фашистов он не возвышал на политический пьедестал русский народ. Этими понятиями он стремился удержать в сознании всё социальное, этническое, конфессиональное и политическое многообразие России, обдумывая, каким образом можно решить проблему её единения, чтобы освободить её от власти большевиков. Эта исходная позиция определяла особенности восприятия идеологических и политических доктрин Муссолини и Гитлера. Но он однозначно разделял их политическую позицию в целом и возлагал надежды на появление новых «Муссолини, Гитлеров и Франко» [16, с. 195; 17, с. 277].

Концепция содержала обоснование основополагающих принципов и главных направлений политики. Её реализация должна была, по его мнению, обеспечить национальное единение страны. Среди них он выделил признание за народами России права на национально-культурную и территориальную автономию. Особенно он подчёркивал важность для общества интегрирующую роль государства, осуществляемую «в соответствии с экономическими и социальными отношениями в стране» и с полным учётом «историко-бытовых условий отдельных народностей России». Он выступал поборником «религиозной, личной и идеологической свободы», прописал право каждого быть гражданином своей страны и принадлежать своему наро-

ду (расе). Его концепция предусматривала существование политических партий в государстве в рамках строгой законности и, естественно, полное уничтожение коммунизма [16, с. 208–209; 17, с. 296–297].

Все перечисленные принципы, кроме антикоммунизма, не имели того абсолютного значения как они прописывались Семёновым. Они вводились им на условиях их содействия укреплению будущей российской государственности. Сами они были итогом его политической эволюции и отличались от взглядов не только периода Гражданской войны, но и её окончания, когда он полностью отошёл от старой белогвардейской политической платформы. Право наций на самоопределение, проступавшее в его политических высказываниях в годы Гражданской войны, в концепции отсутствует. Кроме этого, он не пытался связывать себя с выбором какой-либо формы государственного устройства. «Идейность национально мыслящих людей, – разъяснял он, – не должна заключаться в чисто академическом вопросе о форме строя, а должна выражать стремление к национальному возрождению и благополучию своего народа» [16, с. 206; 17, с. 292].

Он только пунктирно выражал своё отношение к монархии и диктатуре, совсем не настаивая на их выборе. «Я – не против диктатуры в решительные моменты в жизни наций, – писал Семёнов, – но никак не могу понять, какие преимущества получила наша родина, сменив самодержавную власть монарха на полный произвол кучки политических проходимцев и международных авантюристов, представляющих ядро правящей партии [коммунистов]» [16, с. 204; 17, с. 289]. Приведённый отрывок не содержит даже намека на стремление вернуться к монархии. В нём констатируется, по крайней мере, только сожаление автора о случившемся с Россией.

Понимая историческую локальность и ограниченность диктатуры как режима власти, он вместе с этим оставался твёрдым противником системы парламентаризма и партийности, которые несли в себе, по его мнению, «вредоносную бациллу» разрушения государственности [16, с. 206; 17, с. 292]. В итоге он сосредоточил своё внимание на совершенно новых государственных образованиях, какими были фашистская Италия и нацистская Германия. Именно в призме пересечения их опыта он пытался сформировать своё понимание новой государственности для России.

Безусловно, им учитывался и опыт советской власти. Его совершенно не удовлетворяла советская политическая система, в которой был реализован примат партийности одной партии, навязавшей, как он считал, свою волю народу. Но он учитывал политические качества советской власти, составлявшие её преимущества. Он был вынужден признать, что «со стороны большевиков мы видим железную спайку, единую армию, действующую в России, единую международную организацию, ведущую пропаганду во всех странах мира, объединённый источник материальных средств и единую волю, управляющую на всех фронтах борьбы и во всех пунктах пропаганды» [16, с. 218; 17, с. 308].

Его политические предпочтения полностью отдавались политической системе фашистской Италии и нацистской Германии, где партии Муссолини и Гитлера пришли к власти, отдав «дань парламентаризму, ибо без этого, очевидно, они не были бы приемлемы для масс» [16, с. 207; 17, с. 294]. Следует подчеркнуть, что данное суждение ничуть не противоречило его неприятию партийности и парламентаризма в принципе. «Дань парламентаризму» им рассматривалась как тактический политический ход.

Для определения новой российской государственности, способной заменить советское государство, он использовал метафору. Он сравнивал государство с храмом. «Государственное управление страной, в смысле своего морального авторитета, – разъяснял он, – должно уподобляться храму, в котором не может быть места ни личным, ни партийным интересам» [16, с. 206; 17, с. 293].

Политические обязанности граждан перед государством-храмом он рассматривал как политическую повинность по типу воинской повинности. «Необходимо найти такую формулу, государственно обязательную для всего населения страны, – продолжал он, – чтобы, подобно воинской повинности, существовала и политическая повинность, могущая создать в стране единую политическую армию, цели которой должны быть направлены на благо всего населения» [16, с. 207; 17, с. 293].

Если вдуматься в его метафорическое описание характера предлагаемого для России государства, то нельзя не заметить, что он предложил формулу нового типа тоталитарного устройства страны, обеспечивающего её общественно-политическую монолитность. Эта формула полностью меняла и функциональность изложенных им принци-

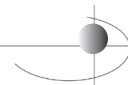
пов, составивших важную часть его концепции «Россизм». Их функционирование в его модели государственности могло приобрести только крайне ограниченный характер, а партийная система и парламентаризм исчезнуть.

В концепции он немногословно писал и о будущем России, которая должна была стать «по преимуществу крестьянской страной, т. е. страной мелкого земельного собственника» [16, с. 208; 17, с. 295].

С этой «крестьянской» позиции он критиковал Советское правительство за «гипертрофированную» индустриализацию [Там же]. По опыту Первой мировой войны Семёнов видел техническое отставание России, но в целом недооценивал значение индустриализации для неё. И естественно, не мог понять необходимости индустриального скачка, который осуществила в 1930-е гг. новая Россия – СССР.

Это отнюдь не означало, что он не видел новых тенденций и не понимал влияния индустрии на армию. Напротив, вполне представлял особенности предстоящей войны по целому ряду важных характеристик, включая возросшую роль фактора внезапности или наличие массовых армий, которые своей беспрецедентной количественной величиной придавали предстоящей новой мировой войне в рамках каждой отдельной страны общенациональный, а точнее сказать, тотальный характер. «Нужно предвидеть, – разъяснял он, – что с развитием техники в войнах будет принимать участие не только вооружённая часть народа, т. е. армия, но и весь народ в целом, включая женщин, стариков и подростков, и война будет вестись не только на фронте, но и в глубоких тылах противников» [16, с. 32–33; 17, с. 50].

Но его вполне правильные обобщения, вытекавшие из опыта Первой мировой и Гражданской войн, сочетались своеобразным образом с восприятием исторически сложившегося технического отставания России от Запада. Самое главное – он не ставил проблему преодоления отставания, а пытался найти дополнительные ресурсы в смежных сферах жизни страны, включая международное право: «...Всем странам придётся столкнуться с дилеммой: или повышать качество войск, в соответствии с требованиями техники и всё усложняющегося искусства воевать, или увеличивать их количество в ущерб моральной и технической ценности как отдельного бойца, так и всей армии в целом. Преобладание качества над количеством было бы вполне достижимо при возврате к срав-

нительно небольшим, но хорошо обученным армиям. Однако это осуществимо лишь при условии перехода всех стран к такому порядку, т. е. предполагает наличие какого-то международного соглашения, обязательного для всех» [16, с. 33; 17, с. 51].

Он не замечал, что его упование на международное право означало лишь «смирение» перед технической отсталостью России и ослабление её национальной безопасности перед лицом нараставшей угрозы новой мировой войны. Однако это «смирение» вполне сочеталось в условиях качественно нового разворота индустриализации в мире 1920–1930-х гг. с оставшимися у него традиционными взглядами, включая его особое внимание к роли конницы. Семёнов с воодушевлением повествовал, что «роль конницы ещё не закончилась, и необозримые степные просторы Евразии ещё не раз развернут на равнинах своих казачью лаву...» [16, с. 28; 17, с. 44].

В своём концептуальном подходе он самостоятельно вплотную подошёл к пониманию необходимости разработки военной доктрины государства, исходя из единства государственной политики как таковой, и организации военного дела в стране. «Суть высшей науки о войне, стратегии и предусматривает необходимость учёта политической обстановки как внутри страны, так и вне её, дабы точно обосновать принципы государственной обороны, предусматривая своих вероятных врагов и союзников» [16, с. 33; 17, с. 51–52].

Но дальше этого он не пошёл. Его взгляды свидетельствуют, что они у него сложились в 1920-е гг. А в 1930-е гг., когда в армиях ведущих стран мира стали быстро формироваться танковые и авиационные соединения, они существенно отстали. О том, что его взгляды на армию больше относились к 1920-м гг. и не соответствовали военно-техническому уровню армий 1930-х гг., свидетельствует сравнение с военными взглядами М. В. Фрунзе, который в 1921 г. обосновал военную доктрину советского государства [20].

Исходя из состояния экономики России, он тоже считал, что конница сохраняет своё значение [Там же, с. 48]. Но предложенная им военная доктрина обладала потенциалом учёта всего нового, что появлялось в военном деле. Всем своим содержанием – наступательной стратегией, маневренной тактикой, общенациональным подходом к решению организационных вопросов обеспечения обороноспособности страны – она была открыта военно-техническому обновлению Красной Армии [20; 21, с. 188–192].

Важно подчеркнуть, что недооценка Г. М. Семёновым значения индустриализации для России также вытекала из его непризнания не только в период революции и Гражданской войны, но и в годы эмиграции права народа на исторический выбор, и, следовательно, из отрицания суверенитета новой России, выступавшей и антиподом, и одновременно исторической преемницей Российской империи. Поэтому в сознании Семёнова понимание индустриализации не могло быть в достаточной степени актуализировано, как, впрочем, и у всей белой эмиграции. Для них проблема индустриализации не была актуальна, так как они рассчитывали на ликвидацию СССР преимущественно внешними силами.

Русские фашисты, правда, оговаривались, что они поддерживают только ту интервенцию, которая не будет преследовать захватнические цели. Вместе с этим они критиковали Союз Младороссов, близкого ВФП идеологически, но допуская, по их мнению, тактическую ошибку, обязывая своих последователей, в случае войны СССР с какой-нибудь другой державой, встать на сторону Коминтерна [15].

В целом разработанная Семёновым в 1930-е гг. концепция представляла собой бледный слепок с российской действительности и была больше обращена к опыту прошлого. Если сравнивать его тоталитарную концепцию уже с реально существовавшим советским строем, который тоже был тоталитарным, то в его модели в глаза бросается идеализированный казацко-крестьянский традиционализм. Индустриальный тоталитаризм советского типа при всех его трагических сторонах оказался исторически успешным. Он в условиях экстремального дефицита исторического времени [9, с. 128–129], оказался способным осуществить индустриальный скачок и сокрушить нацистскую Германию, разгромить военные силы милитаристской Японии в Маньчжурии, попутно раздавив подвернувшуюся под ноги политическую завязь тоталитарного «россизма» атамана Семёнова вместе с русскими фашистами в Маньчжурии. Его концепция своим содержанием никоим образом не отвечала на вызовы мировой истории, перед которыми стояла новая Россия.

Семёнов, будучи непримиримым противником СССР, даже не задумывался о той колоссальной угрозе для исторической России, которую несла с собой нацистская Германия со своими союзниками и милитаристская

Япония, выжидавшая только выгодного для себя момента, чтобы напасть на СССР. Вместе с этим он идеализировал фашистско-нацистскую идеологию и политику, умалчивая об их антигуманной сути и антидемократизме. Он в этом не был одинок. Известный философ эмигрантской поры И. А. Ильин питал те же иллюзии, но вместе с этим в своих публицистических выступлениях открыто брал национал-социализм под защиту от любой критики в его адрес, особенно идущей со стороны левых сил, рассматривая его в качестве оборонительного щита и активной ударной силы против влияния коммунизма [3].

Не будучи заражённым антисемитизмом, Семёнов сотрудничал с русскими фашистами, у которых антисемитизм был положен в основу их идеологии и политики. Он делал это в надежде получить очередную политическую выгоду. Но то, что ему не совсем удавалось даже в период Гражданской войны, теперь при новом масштабе столкновения мировых сил вообще не могло состояться, чтобы он не писал о нетрафаретном отношении к опыту фашистской Италии и нацистской Германии и учёте исторических особенностей России.

В его рассуждениях отсутствовало главное – забота о суверенитете России. Желанное им поражение СССР во Второй мировой войне означало бы только одно – ликвидацию суверенитета его страны с её тысячелетней историей. А для его восстановления не только у Семёнова, но у всей вымирающей белой эмиграции, и у возникшего русского фашизма никакого ресурса не было. Следует отметить, что даже самые незначительные политические союзники ещё во времена Гражданской войны смотрели на Семёнова, как на фигуру временную и разменную. Это вполне ясно прослеживается в рассуждениях одного из лидеров панмонгольского движения Э.-Д. Ринчино [5, с. 101].

Русские фашисты, хотя и имели в своей партии несколько десятков тысяч человек, но были в таком же положении. В 1943 г. японцы арестовали Родзаевского и запретили партию. Хотя доверие к лидеру русских фашистов было восстановлено, но запрет партии не сняли. Оказавшись в одном политическом обозе милитаристской Японии и нацистской Германии, ни Семёнов, ни русские фашисты, собранные под эгидой Японии, не могли рассчитывать ни на что.

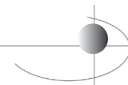
Советский Союз (Россия) стоял перед жестокой дилеммой – победить или погибнуть. Это понимала часть белой эмиграции,

у которой антикоммунизм не иссушил до конца живого чувства Родины. Это понимал умирающий на юге Франции лидер кадетов П. Н. Милюков. На закате своих дней в 1943 г. он писал в статье, распространяемой в списках: «Советские люди создали громадную промышленность и военную индустрию, они поставили на рельсы нужный для этого производства аппарат управления. Упорство советского солдата коренится не только в том, что он идёт на смерть с голой грудью, но в том, что он равен своему противнику в техническом знании и вооружении – и не менее развит профессионально» [14, с. 188].

Такие выводы для политиков типа П. Н. Милюкова, конечно, давались нелегко. Но сама проводимая им политика «новой тактики» требовала отслеживания изменений, происходивших внутри советского общества, в то время как у Семёнова политика фокусировалась преимущественно на отыскании международных сил, способных ликвидировать советский строй. Это различие в фокусировке политической сосредоточенности на различных объектах политической деятельности при острой необходимости и для белоэмигрантов решить проблему выбора, вставшей перед ними с момента нападения фашистской Германии на СССР, в конечном итоге привела к различным оценкам борьбы советского народа против фашистской Германии.

Милюков был вынужден признать, что «условия русской жизни мы не знали совсем..., советский гражданин... гордится своей принадлежностью к режиму... А главное, он не чувствует над собой палку другого сословия, другой крови, хозяев по праву рождения» [Там же, с. 188, 189]. Это было принципиальное признание того, что СССР держался не только на насилии, как неустанно твердил Семёнов, проявляя непримиримую враждебность на стороне врагов России.

Исходные понятия «благо России», «благо народа», «населения», положенные в основу его концепции, звучали патриотично. Но на почве, отравленной антикоммунизмом и его глубоко ошибочными оценками непонятой им советской России, они не возшли и ничего не дали, чтобы облегчить ее положение в суровые годы исторических испытаний. Напротив, победу Советского Союза под Москвой и Сталинградом он переживал как личную трагедию [6, с. 186], увидев в ней начало конца дела всей своей жизни, обернувшегося политической изменой, обусловленной отказом от признания права российского народа

на исторический выбор и его абсолютным антикоммунизмом.

Заключение. Вся история политической эволюции атамана Семёнова свидетельствует, что антикоммунизм и антисоветизм, возведённые в абсолютную степень, неизбежно превращаются в антироссийскую политику и никакие возвышенные слова о патриотизме не могут дать ей оправдания.

Концепция атамана Семёнова не давала даже приблизительно удовлетворитель-

ного ответа на вызовы мировой истории, перед которыми стояла Россия, и обнаруживает политический тупик белой эмиграции. Её политика даже в наиболее актуализированных вариантах существенно уступала советскому подходу к модернизации России. Советский вариант оказался единственным проектом, способным при всех трагических сторонах его осуществления обеспечить стране историческую победу во Второй мировой войне.

Список литературы

1. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
2. Звезды и свастика: большевизм и русский фашизм / общ. ред., сост. и послесл. С. Кулешова. М.: Терра, 1994. 320 с.
3. Ильин И. А. Национал-социализм. Новый дух // Возрождение. 1933. № 2906. 17 мая.
4. Курас Л. В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е годы XX века // Сибирь в межвоенный период. Монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг. Тохоку: Ун-т Тохоку, Азиат. исслед. центр Сэндай. С. 129–147.
5. Курас Л. В. «Три жизни» атамана Г. М. Семёнова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 94–113.
6. Курас Л. В. Атаман Семёнов: любовь, переросшая в предательство // Власть. 2014. № 2. С. 184–188.
7. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121.
8. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 156–164.
9. Мерцалов В. И. О концепции учебника «История» // Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей высш. учеб. заведений России: сб. тр. М.: Академ. истор. наук, 2016. С. 125–131.
10. Мерцалов В. И. Особенности политического радикализма атамана Семёнова // Забайкалье историческое: материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Мороз. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 35–42.
11. Мерцалов В. И. Атаман Семёнов как политик // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 43–52.
12. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.
13. Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М.: Слово, 1992. 441 с.
14. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. 231 с.

Источники

15. Азбука фашизма / сост. Г. В. Тараданов, при участии В. В. Кибардина, под ред. и с доп. К. В. Родзевского. Харбин: Наш путь, 1935. 110 с.
16. Атаман Семёнов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938. 228 с.
17. Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ: Гея итэрум, 1999. 320 с.
18. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
19. Жилин П. А. Предисловие // Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. С. 3–12.
20. Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия // Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. С. 30–51.
21. Фрунзе М. В. Фронт и тыл в войне будущего // Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. С. 182–194.

Статья поступила в редакцию 20.09.2018; принята к публикации 25.10.2018

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. О политической концепции «Россизм» атамана Семёнова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 12–21. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-12-21.

Viktor I. Mertsalov,
Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: mercialov47@mail.ru

On Cossack Ataman Semenov's Political Conception of "Russizm"

A historical-comparative method was used in the article to analyze a conception content based on modernization theory. It was preceded by text identity verification of the first and the latest memoirs edition published and revealing the main part of the concept and its text fragments which were disseminated in various chapters of the book. The author concluded that G. M. Semenov's recognition of peasants' demands legality on agrarian problem provided the basis for his "Russizm" conception. But he did not recognize people's right to historic choice of political power and did not agree with their final transition to the side of the Soviets. As ataman Semenov considered Russia being occupied by the Bolsheviks, in the end he found himself on the side of Russian enemies – Nazi Germany, fascist Italy and militarist Japan. By his own example G. M Semenov convincingly proved the idea that both absolute anti-communism and anti-Sovietism inevitably turn into anti-Russian politics. The state system concept proposed by ataman Semenov was developed to replace Soviet statehood. It can be characterized as a totalitarian one with the features of Cossack-peasant traditionalism. Political principles that he proclaimed could function in his model in an extremely limited way, combining with parliamentary and party system collapse. G. M. Semenov just criticized the Soviet policy of industrialization, but did not set forth the fateful problem of transforming Russia into industrial power. His concept does not contain any valid argument to address the challenges of the world history of the twentieth century, thus being significantly inferior in all respects to the Soviet project of modernizing Russia, and revealing the futility of all innovative attempts of the White émigrés after *the* Russian Revolution.

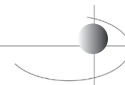
Keywords: Cossack Ataman Semenov, Cossack Ataman Semenov's memoirs, political concept of "Russizm", totalitarianism, fascism and Nazism, sovereign rights of people

References

1. Vasilevskiy, V. I. Statehood of the Whites in Transbaikalia in 1918 – 1920: History Essays. Chita: Poisk, 2000. (In Rus.)
2. Stars and Swastika: Bolshevism and Russian Fascism. Kuleshov, S., editor, compiler and author of epilogue M: Terra, 1994. (In Rus.)
3. Il'in, I. A. National-Socialism. New Spirit. Revival, no. 2906, 17 may, 1933. (In Rus.)
4. Kuras, L. V. Russian Fascists in Manchuria in 1920s – 1940s. Siberia during Inter-War Period, Mongolian Policy. System Reorganization of the Society: 1917–1941. Tohoku: Tohoku University, Asian Research Centre, Sendai (Japan):129–147. (In Rus.)
5. Kuras, L. V. "Three lives" of Ataman Semenov: Love and Betrayal (On Frontier). Review of Irkutsk State University. Series History, vol. 7, pp. 94–113, 2014. (In Rus.)
6. Kuras, L. V. Ataman Semenov: Love Turned Into Betrayal. Vlast, no. 2, pp.184–188, 2014. (In Rus.)
7. Mel'nikov, U. The Russian Fascists in Manchuria. Problems of the Far East, no. 2, pp. 109–121, 1991. (In Rus.)
8. Me'nikov U. The Russian Fascists in Manchuria. Problems of the Far East, no. 3, pp. 156–164, 1991. (In Rus.)
9. Mertsalov, V. I. On conception of the textbook "History". Collected works by university professors of All-Russia scientific Conference. 2016. M: Academy of Historical Sciences, 2016: 125–131. (In Rus.)
10. Mertsalov, V. I. Characteristic features of Ataman Semenov's Political Radicalism. Historical Transbaikalia: Proceedings of the VI Trans-regional Conference. November, 24, 2017. Chita: Transbaikal State University, 2017: 35–42. (In Rus.)
11. Mertsalov, V. I. Cossack Ataman Semenov as a Politician. Humanitarian Vector, vol. 13, no. 4, pp. 43–52, 2018. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52. (In Rus.)
12. Romanov, A. M. Special Manchurian Squad of Cossack Ataman Semenov. Irkutsk: Ottisk, 2013. (In Rus.)
13. John J. Stephan. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. M: Clovo, 1992. (In Rus.)
14. Shkarenkov, L. K. Agony of the White Emigration. M: Mysl, 1981. (In Rus.)

Sources

15. Primer of fascism. Compiled by Taradanov, G. V., with participation of Kibardin, V. V., Rodzaevsky, K. V., edited by Harbin: Our path, 1935. (In Rus.)
16. Ataman Semenov. About Myself: Memoirs, Ideas, Summing-Up. Harbin, 1938. (In Rus.)
17. Ataman Semenov. About Myself (Memoirs, Ideas, Summing-Up). M: "Firm "Publishing house AST", "Gaea Iterum" Ltd., 1999. (In Rus.)
18. Brusilov, A. A. My Memoirs. M: Military Publishing House, 1983. (In Rus.)
19. Zhilin, P. A. Preface. Brusilov, A. A. My Memoirs. M: Military Publishing House, 1983: 3–12. (In Rus.)

20. Frunze, M. V. Unitary Military Doctrine and Red Army. Selected works. M: Military Publishing House, 1984: 30–51. (In Rus.)

21. Frunze, M. V. Front and Rear in the Future war. Selected works. M: Military Publishing House, 1984: 182–194. (In Rus.)

Received: 20 September 2018; accepted for publication October 25, 2018

Reference to the article

Mertsalov V. I. On Cossack Ataman Semenov's Political Conception of "Russizm" // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 12–21. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-12-21.
